

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СТИХА

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

Б. И. Ярхо

Соотношение форм в русской частушке¹

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Борис Исаакович Ярхо (1889—1942) известен стиховедам преимущественно двумя группами своих работ. Во-первых, это «Метрический справочник к стихотворениям Пушкина» (1934) и «Метрический справочник к стихотворениям Лермонтова» (1966, в извлечениях) — образец применения статистических методов к метрике; во-вторых, это серия работ о русском досиллабическом стихе (одна из них, «Рифмованная проза русских интермедий и интерлюдий», была опубликована в книге «Теория стиха», Л., 1968) — образец применения статистических методов к ритмике. Гораздо менее известно, что, по замыслу Ярхо, за метрическими справочниками к Пушкину и Лермонтову (и другим поэтам) должны были последовать аналогично составленные справочники по стилистике и по образному строю (иконике) этих поэтов, обработанные, разумеется, с той же статистической строгостью. Стихование не только не было для Ярхо изолированной областью исследований — оно было для него частью поэтики, и разработка объективных методов исследования стиха была частью разработки общей «Методологии точного литературоведения» (так называлась итоговая монография Б. И. Ярхо, 1935—1936; отрывки из нее опубликованы в «Трудах по знаковым системам», IV. Тарту, 1969). Целью этой разработки была возможность объективного исследования художественного произведения в его целостности, т. е. во взаимодействии и взаимозависимости различных аспектов и уровней его строения, — задача, которая остается в высшей степени актуальной и в наши дни.

Именно поэтому в наследии Б. И. Ярхо представляет особый интерес предлагаемая ныне читателям статья о русской частушке. Она посвящена не стиху как таковому, а взаимодействию стиха с другими уровнями поэтической структуры: исследуется связь фоники, стилистики и тематики — рифмовки, фигур повторения и содержания частушек. Оказывается, что рифмующие строки частушки реже соединяются фигурами повторения, чем нерифмующие, и что общественно-политические частушки беднее фигурами, чем любовные; перед нами закон компенсации: фоническое и тематическое богатство как бы уравнивается стилистической бедностью. Сам Ярхо полусуто писал (в «Методологии. . .»), что здесь впервые математически продемонстрирована «связь формы с содержанием». Это был первый скромный шаг к тому целостному анализу поэтического произведения, который был целью для Б. И. Ярхо, как и для всякого литературоведа; но он лучше, чем многие, видел, как труден путь к этой цели, если такой путь должен быть надежным, и с каких малых ступеней должен начинаться этот путь.

В основе всякой работы, опирающейся на статистический метод, лежит вычленение подсчитываемых единиц. В данной работе такими единицами

¹ Статья содержит результаты работ, проводившихся под моим руководством сперва в семинарии по теории стиха на Высших государственных литературных курсах, а затем в Кабинете литературной секции Государственной Академии художественных наук. Закрытие Курсов и Кабинета помешало окончанию этих работ, задуманных в гораздо более широком масштабе. Однако уже добытые частичные результаты кажутся мне достаточно интересными как с историко-литературной, так и с методологической точки зрения, почему мы и решаемся их опубликовать. В коллективной работе приняли активное участие слушатели семинария, а также мои ближайшие сотрудники по Кабинету И. К. Всехсвятская, М. А. Летник и И. К. Романович, которым

оказываются фигуры повторения. Современного читателя может удивить обилие выделяемых здесь разновидностей и сложность их греческих названий. Однако это не выдумка Ярхо. Все эти фигуры были зорко выделены еще античной (и позднейшей) риторикой, и Ярхо здесь принадлежит лишь попытка их систематизации (одна из многих, и далеко не худшая). Общие начертания этой систематизации намечены Ярхо в заметках к его лекциям по стилистике (ЦГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. 84). Фонетические фигуры здесь делятся на одночленные (немногочисленные) и многочленные (это и есть фигуры повторения). Эти последние составляют 4 подгруппы: а) равенство звука и равенство смысла, т. е. повтор одного и того же слова: анафора («отнесение вперед», единоначатие, А; . . . А . . .), эпифора («отнесение назад», . . . А, . . . А), эпанафора («отнесение вперед и назад», . . . А . . ., . . . А . . .), симплока («сплетение», А . . . В, А . . . В), анадиплосис («удвоение», стик, . . . А, А . . .), эпанаалексис («возобновление», кольцо, А . . ., . . . А), эпидзевксис («сопряжение», АА . . .), метатесис («перестановка», АВ . . . ВА), эпанод («возвращение», АВ . . . А . . . В), полисиндетон («многосоюзие») и многопредложение; б) равенство звука и неравенство смысла: омонимия-антанакласис («перегибание»); в) сходство звука и сходство смысла: парегменон («выведение», подбор однокоренных слов) и его разновидность полиитотон («многопадежие», подбор разных падежей одного слова), климакс («лестница», А . . . В, В . . . С, С . . . Д), антиметаболо («противоперестановка», А . . . В, В . . . А), гомойарктон («единоначатие» в узком смысле — подбор слов с одинаковыми приставками); г) сходство звука и несходство смысла: паронимасия («подобноименование»), этимологизация. За фонетическими фигурами следуют морфолого-синтаксические (фигуры прибавления—убавления—замены, расположения и интонации) и лексические. Набор частушечных примеров фигур повторения приводит сам Ярхо в своей статье.

Б. И. Ярхо напечатал эту статью на немецком языке под заглавием: «Organische Struktur des russischen Schnaderhüpfels (Častuška), mit Ausblicken auf das deutsche Schnaderhüpfel» в пражском журнале «Germanoslavica» (Jg. 3, 1935, Heft 1—2). Журнал этот остался малоизвестным и малодоступным, и статья не вошла в обиход ни фольклористов, ни литературоведов. Со времени, когда писалась эта статья, литература о поэтике частушки сильно выросла; но и в последней советской обобщающей работе (Зырянов И. В. Поэтика русской частушки. Пермь, 1974) исследование Б. И. Ярхо не упоминается, а в последней зарубежной (Stephan B. Studien zur russischen Častuška und ihrer Entwicklung. München, 1969) — только упоминается. (Справным образом не учтенным в этих работах, как и во всех других, остается и основополагающий труд о ритмике частушки — статья Н. С. Трубецкого «О метрике частушки» («Версты», т. 2, Париж, 1927), перепечатанная в кн.: *Trubetzkoy N. S. Three philological studies*. Ann. Arbor, 1963).

На русском языке статья Б. И. Ярхо публикуется здесь впервые по автографу, хранящемуся в архиве Б. И. Ярхо (ЦГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. 18).

М. Л. Гаспаров

1. ОГРАНИЧЕНИЕ ТЕМЫ

1. Постановка вопроса

Среди огромного количества проходящих перед нами литературных произведений мы при непосредственном восприятии легко выделяем большие или меньшие группы и снабжаем их названиями жанра, школы, стиля и т. д. Даже в тех случаях, когда мы затруд-

я приношу искреннюю благодарность за подсчет и проверку материалов. Но особенно признательны мы все А. Г. Рудневу, работе коего Кабинет обязан самыми ценными из добытых цифр (см. II, § 1).

няемся дать точное определение такой группы, мы без труда относим к ней ряд произведений, которые кажутся нам типичными для данной группы. Эти группы ощущаются нами как более или менее ограниченные комплексы форм. При ближайшем рассмотрении, однако, все эти комплексы обладают следующими весьма затруднительными для исследователя свойствами. Во-первых, при разложении комплекса на отдельные формы и выделении тех, сосуществование коих обязательно для всех индивидуумов данного комплекса, нередко оказывается, что самого факта сосуществования форм недостаточно для отличения данного комплекса от соседнего, что комплекс представляет собою не только особую сумму, но и особое соотношение форм, некую связь между ними. Поэтому исследование таких соотношений или типов связи между формами является необходимым актом при изучении жанров, школ, эпох и т. д. Соотношения суть такие же признаки комплекса, как и формы. Чем эти соотношения закономернее и постояннее, чем теснее связаны признаки между собою (так что изменение одного ряда влечет за собой всегда однородное изменение другого ряда), тем более органичен и самый комплекс, тем менее зависит целостное его восприятие от отклонений отдельных индивидуумов.

Во-вторых, границы комплексов никогда не бывают отчетливы, так как всякое рациональное деление неизбежно наталкивается на непреложный факт непрерывности натуральных рядов, проще говоря, на единство мироздания. Сказывается это прежде всего в том, что признаки, свойственные всем индивидуумам комплекса, далеко не обнимают всего того, что кажется нам характерным для него, т. е. что ряд признаков наличествует не во всех индивидуумах, но в огромном большинстве. Это — типичные «сводные признаки», которые могут быть обнаружены лишь статистическим путем. Обратная сторона этого явления заключается в том, что не все индивидуумы обладают всеми средними свойствами комплекса и представляют собой крайние виды.

В-третьих, некоторые индивидуумы, помимо типичных для данного комплекса свойств, обладают признаками, характерными для соседнего комплекса и являющимися, стало быть, промежуточными видами. Их можно выделить только путем установления средних свойств соседствующих комплексов. Кроме того, некоторые индивидуумы являют черты, присущие лишь им одним или небольшому количеству произведений того же комплекса; отличить этот индивидуальный или групповой аугмент от типичных признаков можно опять-таки только статистическим путем.

Для выяснения таких типичных свойств литературного комплекса, порождающих его относительное единство и относительную обособленность, был избран простейший жанр, русская ч а с т у ш к а, обладающая следующими свойствами, чрезвычайно удобными для статистического исследования: во-первых, — множественностью, дающей возможность работы с большими числами и обеспечивающей проверку выполнения на новой партии; во-

вторых, миниатюрностью, ограничивающей количество форм в каждой частушке.

Вместе с тем, как и всякий комплекс, частушка не имеет ясных и определенных границ. Даже фонетическая граница частушки трудно определима: хотя совершенно ясно выделяется нормальное (количественно преобладающее) ядро 4- и 2-стишных частушек, однако встречаются, хотя и редко, частушки с нечетным числом стихов, например:²

У Сорочинских ребят
Ноги длинные, кривые,
Портки синие, худые.

Вот, подружки, вижу я,
Парочка идет тропой,
Твой горбатый, мой кривой,
Что же делать нам с тобой?
Побежим скорей домой.

(Ел. 4958;
ср. также Ел. 4394
и Ел. 3303).

(Ел. 2632)

Гораздо чаще 6-, 8-, 10-стишные, несомненно составляющие одно целое:

Уж я модница,
Благородница,
Как я стала у церковных
у дверей,
Полюбил меня, молодку, архирей,
Двое дьяконов с ума сошли,
Два квартальные плясать пошли

Ой, сударка, лебедь бела,
Мне жениться не велела,
По головке гладила,
В офицеры ладила.

Ой, сударка, что ты, что ты,
Я солдат девятой роты,
Я девятый, девятой,
Нет вольготы никакой.

(ср. Ел. 2332, 4913, 4914,
4915, 4923 и мн. др.)

Совершенно неясны размеры «сериальных частушек» («Любила я фершала, сама себя тшила. . . Любила я барина, сама себя старила. . .», и т. д.). Следует ли рассматривать их как целое или как сборник? Каждая из строф может выпасть, может петься отдельно, но все же связь между ними отрицать нельзя. Таким образом, количество стихов в частушке является типичным «сводным признаком».

Стилистическая граница частушки тоже не абсолютна. Мы называем частушку «народным» произведением, и это явно необходимый, но чрезвычайно расплывчатый признак. Между четверостишием

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись, как ясный день,
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень, —

² Частушки приводятся по изданиям:

1) Сборник великорусских частушек. Собр. Е. Н. Елеонской. М., 1914. Далее дается в сокращении (Ел.) с указанием номера частушки; 2) Умножай урожай. М., 1930; 3) Частушки. Под ред. И. Лукашина. М., 1926. Далее: Частушки; 4) Колхозные частушки. Сост. И. и П. Кузнецовы. М., 1930; 5) Частушки современной деревни. Сост. Н. Н. Захаров-Мэнский. М., 1930.

которое безусловно не частушка, и четверостишием

Пойду-выйду на задворку,
Погляжу, как лен цветет,
Из Семеновского лесу
Мил с тальяночкой идет, —

которое безусловно частушка, лежит ряд «псевдочастушек», отличающихся от «народных» частушек то лексическим, то синтаксическим отклонением:

В поле путнику приметен
Дальней хаты огонек.
По селу кулацких сплетен
Покатился колобок.

(Умножай урожай!, с. 7)

Метафора «колобок сплетен», лексический подбор («путнику приметен»), инверсия «сплетен покатился колобок» — все это продукты интеллигентской традиции. Уже несколько меньше этого элемента в четверостишии:

У гармошки голос тонкий,
Спекулянт мне не чета.
Надоели мне потемки,
Тесной хаты духота.

(Частушки)

Еще меньше:

У попов плохи дела,
Полное безлюдье.
Перелесом колокола
В сельские орудия.

(Бр. Кузнецовы.
Колхозные частушки)

Уже почти приближается к настоящей частушке, бытующей в народе, такая:

Захотелось как-то Ване
Слушать конференцию,
И повесил он на ухо
Радиопшукенцию.

(Собрание
А. Г. Руднева)

Словом, и здесь границу провести нелегко, тем более что искусственные частушки быстро усваиваются крестьянской средой.

Указанные трудности, как увидим ниже, вполне преодолимы и не мешают провести исследование в самых различных направлениях.

Дело в том, что частушки, несмотря на свою миниатюрность, все же представляют собой уже довольно сложное тельце. Нормальная 2- или 4-стишная частушка всегда распадается на две половинки, связанные более или менее тесно и притом разными способами, отчего получается весьма разветвленный полиморфизм. Кроме вышеуказанного строфического диморфизма нормальной частушки (2 и 4 стиха), внутри 4-стишных различаются

строфы ABCB и AABV с промежуточными видами (см. ниже 1, 2). Самые различные сюжеты частушек — любовные, семейные, общественно-политические — порождают тематический полиморфизм. Наконец, частушка не остается неизменной, но постепенно эволюционирует, что создает эволюционный ряд, звенья которого различаются между собою в различных отношениях.

Все вышеуказанные различия представляются в виде нескольких параллельных вариационных рядов и могут быть исследованы.

2. Задачи работы

Цель настоящей работы — изучить соотношения вышеупомянутых полиморфических рядов и найти, если возможно, связь между ними. Но так как взаимоотношений может быть великое множество, то поневоле пришлось ограничить исследование несколькими моментами. Мы займемся лишь изменениями некоторых наиболее распространенных форм в связи с отмеченным выше строфическим и тематическим полиморфизмом частушки; что же касается эволюционного полиморфизма, то нам удастся сообщить лишь несколько попутных замечаний, так как для более детального изучения не хватает материала.

В качестве изменяющихся величин мы взяли наиболее характерные (т. е. наиболее многочисленные) для частушки явления, т. е. фигуры повторения и типы синтаксической структуры. В связи с этим мы ставим следующие вопросы.

1) В отношении строфического полиморфизма: а) Как распределяются фигуры повторения по разным строфическим типам? б) Как связываются половинки частушек разной строфики при помощи фигур повторения и синтаксических приемов?

В частности, относительно вида ABCB возникает вопрос, в каком смысле здесь следует говорить об обособленных половинках: не являются ли все 4 стиха равноценными делениями? Для типа AABV, напротив, ставится вопрос, насколько половинки связаны друг с другом. Не является ли частушка AABV механическим соединением двух частушек типа AA? Иными словами, существует ли какая-нибудь разница в структуре между AA как целой частушкой и AA как половинкой AABV?

2) Для тематического полиморфизма: как распределяются вышеозначенные фигуры и синтаксические формы между общественно-политическими и любовными частушками?

Этим ограничивается содержание настоящей работы, план которой был задуман, как сказано, гораздо шире и в смысле объема материала, и в смысле намечавшихся к изучению проблем.

3. Метод работы

Необходимо сказать несколько слов о приемах исследования в применении к нашему материалу.

1. Так как задачей было установление основных соотношений,

то работа велась только на ч и с т ы х в и д а х. Все сомнительные случаи и промежуточные виды просто отбрасывались.

Так, например, из всех строфических типов исследовали только 3 основных: ABCB (сюда же относятся редкие случаи ABAB), AABV, AA. Но и здесь между ABCB и AABV граница вовсе не так отчетлива, как это может показаться на первый взгляд. Существоют промежуточные типы:

AABA

Через речку не был мост,
Я кричала перевоз,
Меня душечка Ванюшечка
На ручках перенес.

(Ел. 76)

ABVV

Все бы я в село ходила,
Все бы я в селе жила,
По середочке села
Себе милова завела.

(Ел. 3545)

AAAA

Ты зараза, ты зараза,
Черноброва, черноглаза,
За тебя, моя зараза,
Били мальчика два раза.

(Ел. 3563)

ABCC

Я пушу колечко в речку,
Что-нибудь да попадет:
Или щука, или лень,
Иль забавушки ремень.

(Захаров-Мэнский, № 54)

Все эти промежуточные типы исключены.

При изучении тематических различий нами принимались во внимание частушки двух основных видов: любовные и общественно-политические. Частушки семейного характера, касающиеся брачной жизни, личная сатира и шутки и т. п. не учитывались. Это искусственное сведение полиморфизма к диморфизму должно было определить основные вехи; к остальным видам предполагалось подойти впоследствии.

По аналогии со строфическим рядом и здесь отбрасывались все промежуточные виды, где любовь хотя бы в малой мере переплетается с политикой. Например:

Я любила Кольку,
Не добилась толку,
А теперь с Алешей:
Коммунист хороший.

Моя черная косынка
По полу валяется,
Мой миляшка дезертир,
Я с ним разругалась.

(Сб. И. Лукашина)

Точно так же отпадают общественно-политические частушки, где только упоминается милка, любовь и т. п.:

Потерпи, миленок, малость,
Все на свете сменится:
Вишь, лектрического стала
На деревне мельница.

Таким образом достигаются отчетливые результаты. Вся процедура соответствует тому, что в биологической статистике называют работой над «чистыми линиями».

2. При классификации считалось обязательным давать возможно ясное определение каждому термину, чтобы избежать сомнений при подсчете. Смешанные же случаи учитывались дважды. Например:

Дроля, дроля, дролечка,
Дроля, дай носовичка.
Не даешь носовичка —
До свиданья, дролечка.

Здесь принимаются три фигуры повторения: эпизевкис, анафора и эпифора.

Я милашку свою тешу,
На весах конфетки вешу,
Вешу, вешу для того,
Чтоб любила одного—

парегменон, анадиплосис и эпизевкис.

При установлении классификации удалось достигнуть того, что сомнительные явления (колеблющиеся между двумя категориями) оказались в микроскопическом количестве. Мы вполне можем ручаться, что наши выводы не изменились бы и при ином учете.

3. Материал из сборников брался всегда без отбора, подряд, из сборника же Е. Н. Елеонской иногда в разбивку, но большими и сплошными партиями (например, начиная с № 1000 до № 1500), без всякого специального подбора. Этим обеспечивалось ненарушенное действие закона больших чисел.

4. Для проверки подсчетов применялись два способа. Или тот же материал давался для пересчета другому лицу, или к подсчитанному материалу прибавлялась новая порция частушек, которая учитывалась отдельно от первой опять-таки другим лицом.

5. Так как все числа на свете имеют только относительное значение, то для освещения полученных нами цифр был привлечен иностранный (немецкий и отчасти испанский) материал. Подчеркиваем, что материал этот является лишь сравнительным и не составляет самостоятельного объекта исследования. С той же целью мы воспользовались явно искусственными агитационными частушками.

4. М а т е р и а л

Для изучения строфического полиморфизма у нас был великолепный материал собрания Е. Н. Елеонской: «Сборник великорусских частушек» (6020 частушек). Для проверочных партий был также использован «Сборник двустрочных частушек (страданий)» В. И. Симанова (М., 1928).

При сравнении любовных частушек с общественно-политическими дело обстояло хуже. Совершенно надежного и притом сколько-нибудь обширного сборника таких частушек не существует.

Московский филолог А. Г. Руднев был настолько любезен, что согласился не только предоставить в наше распоряжение свое собрание частушек Московской губернии, но и сам произвел по

выработанной мною схеме ценнейшие подсчеты. Для проверки результатов, полученных А. Г. Рудневым, а также для получения кое-каких дополнительных данных мы пользовались печатными извлечениями из собрания Н. Н. Захарова-Мянского: 1) Частушки современной деревни (104 частушки); 2) Прибаутки деревенской улицы. М., 1927 (221 частушка); 3) Деревенские ихохотки. М., 1928 (181); 4) Частушки из материалов, собранных газетой «Беднота». М., 1927 (256).

Кроме того, нами использованы «Частушки — сборник комсомольских и бытовых частушек в освещении новой деревни» под редакцией Ильи Лукашина (М., 1926). Издатель в предисловии (с. 7) говорит, что помещает в своем сборнике частушки «не книжного порядка», не сочиненные «спецами», а собранные им в Тамбовской, Тульской, Нижегородской, Орловской и Новгородской губерниях. У нас нет никаких оснований ему не верить. Правда, некоторые частушки носят явно «сочинительский» характер,³ но возможно, что они уже бытуют в деревне. Во всяком случае, этот сборник привлечен лишь как проверочный материал.

Для сравнения с явно агитационными, т. е. сочиненными не в деревне, а для деревни частушками, мы воспользовались брошюрами: И. и П. Кузнецовых «Колхозные частушки» (М., 1930); «Умножай урожай» (работа 1-й ударной бригады композиторов и поэтов при Театропечати: М., 1930).

Немецкие Schnaderhüpfel взяты из сборника Гундлаха (*Gundlach F. Tausend Schnadahüpfeln. Leipzig, Reclam*). Этот сборник содержит также частушки известных авторов, подписанные их именами; после изъятия этой группы из 1000 частушек осталось 645. Испанские частушки взяты из собрания «*Gorjen del alma; cantares populares*», coll. por Ramon Caballero (Biblioteca Universal, t. 97).

Весь использованный материал отличается тем, что собирался или сочинялся совсем не под тем углом зрения, под которым рассматривает его наша работа, а потому является для нас естественным, а не искусственным подбором.

II. СТРОФИКА И СТИЛЬ

1. Ф и г у р ы п о в т о р е н и я

А. Типы фигур. При обследовании 2400 частушек из сборника Е. Н. Елеонской обнаружены следующие типы фигур повторения:

1. Фигуры, связанные с определенным местом в стихе:

1) Анафора (полная):

³ Нынче все стремится к свету,
Я ведь девка, а — смотри —
Над «Крестьянскою газетой»
Просидела до зари.

Говорила тятя раз,
Говорила двадцать:
«Куши, тятя, серу шаль,
Отдай рублей пятнадцать».

1а) Анафора (неполная): под этим термином мы разумеем анафорически расположенный парегменон (или полиптотон), т. е. те случаи, когда отрезки речи (в данном случае стихи) начинаются разными формами от одного корня:

Рыжий поп меня венчал,
Рыжка до дому домчал.

2) Эпанафора (полная) — так мы условно называем повторение того же слова в середине двух смежных стихов на соответствующих местах этих стихов:

Ты не думай, милый мой,
Что гуляю я с тобой:
Я гуляю и сержусь,
Другого на сердце держу.

2а) Эпанафора (неполная):

Вы сушители-родители,
Ты сушительница-мать.

3) Эпифора (полная):

Не страдала и не буду:
Без страданья жива буду.

3а) Эпифора (неполная):

Мой муж **черноус**,
А я его не **боюсь**.
Когда будет **белоус**,
Тогда его **забоюсь**.

4) Симплока:

Что ж, гармошка, не играешь?
Разве тонов в тебе нет?
Что ж ты, милка, не встречаешь?
Разве дома тебя нет?

5) Эпаналепсис:

Все пришли, моего нету.
Запрягу коня, поеду
Я к подружке на совет:
Все пришли, моего нет.

5а) Эпаналепсис (неполный):

Попляшите-ко штиблетики,
Недолочко плясать

(в подсчитанной партии не встретился ни разу).

6) Анадиплосис (полный):

На улице милки **нету**,
Нету ласкова привету.

Слава богу, отслужился,
Я теперь домой **пришел**,
Я теперь домой **пришел**,
Себе товарища **нашел**.

6а) Анадиплосис (неполный):

Говорила **зимогору**:
Зимогор, люби меня.

Не сама кисеты **шила**,
Шить подружку наняла.

Будет я **потосковала**,
Потоскуй, милашка, сам.

II. Фигуры, не связанные с определенным местом в стихе:

7) Эпизевксис (полный):

Дует, дует ветерок
Под мою оборочку.

Ах, Ванечка, Ванечка,
Я тебе не парочка.

7а) Эпизевксис (неполный):

Ах, Ваней, Ванеюшка,
Посиди **маленечко**.

8) Метатесис (полный):

Девки, **тише**, девки, **тише!**
Котрехов **идет** **Никита**,
Не один **Никита** **идет** —
За собой артель **ведет**.

8а) Метатесис (неполный):

Уж ты **дролечка-королекча**,
Короля-дроля мой.

9) Эпанод:

Дорогого моего
Ломало и коверкало:
Его **ломало** за платок,
Коверкало за зеркало.

10) Климакс:

Последний день **красе** моей,
Отдам **красу** сестре **своей**.
Сестра, сестра красуется,
Гулять **интересуется**.

11) Полисиндетон:

И Любу, и Дашеньку.

12) Гомонимия (антанакласис):

Коля, Коля дрова коле.

13) Парегменон и полиптотон (с неурегулированным местом):

Сидели с милым на скамье,
Обои плакали:
Милый мой, твои родители
Другую сватали.

Я милашечку свою
По серой кофте признаю:
Кофточка трубистая,
Милашечка форсистая.

14) Парономасия:

Две гармошки, один бубен,
Прошел праздник хуже буден.

15) Гомойарктон (мы берем этот термин в узкостилистическом смысле: равенство приставок):

Мой миленок зафорсил,
Ремень широкий заносил.

16) Этимологизация:

На проселке очень сухо,
Там живет моя засуха.

Ты мели, мели, Емеля,
Я тобой не дорожу.

При учете количества частушек приняты во внимание эти категории и для сравнения привлечены 645 немецких и 1000 испанских частушек из указанных выше сборников. В табл. 1 представлено число фигур каждого вида и удельный вес каждого вида в отношении ко всему количеству фигур.

Мы не придаем особого значения тому, что в русских частушках представлено больше видов повторения: это может зависеть от небольшого количества иностранных текстов, взятых для сравнения; при большем количестве недостающие мелкие виды могут оказаться представленными в одном или двух случаях. Разнообразие русской фигурации сказывается скорее в том, что фигуры количественно больше распылены, чем в немецких и испанских песенках: т. е. два основных вида, анафора и беспорядочное повторение, обнимают в немецких 81.5%, в испанских — 70.7%, а в русских — всего 52%. Что касается отдельных видов, то можно сказать, что фигурация во всех трех языках являет некоторые общие черты. Если не считать беспорядочных повторений, то на первом месте везде а н а ф о р а. Это, по-видимому, нормальное соотношение, так сказать, закон.⁴ По подсчетам, произведенным

⁴ В просеминарии Высших гос. литературных курсов был проделан следующий опыт. Студентам (30 чел.) было предложено написать по четвере-

Таблица 1

Фигура	Число фигур (в скобках — число неполных)			% от общего наличия фигур		
	2100 рус.	645 нем.	1000 исп.	рус.	нем.	исп.
Анафора	512 (59)	285	169	27.3	66.8	28.4
Эпанафора	109 (38)	23	42	5.8	5.4	7.0
Эпифора	159 (88)	21	56	8.4	5.0	9.4
Симплока	10	4	1	0.5	0.9	0.1
Эпаналепсис	15	3	31	0.8	0.7	5.2
Анадиплосис	100 (34)	10	24	5.4	2.3	4.0
Эпизевкис	153	14	9	8.2	3.2	1.5
Метатесис	16	—	3	0.9	—	0.5
Эпанод	7	1	4	0.4	0.2	0.6
Климакс	133	—	—	7.0	—	—
Полисиндетон	93	—	—	5.0	—	—
Гомонимия	9	2	5	0.4	0.4	0.8
Парегменон, полиптотон и беспорядочное повторение	465	68	254	24.7	14.7	42.3
Парономасия	65	2	1	3.4	0.4	0.1
Гомойарктон	30	—	—	1.6	—	—
Этимологизация	4	—	—	0.2	—	—
Антиметабола ⁶	—	—	1	—	—	0.1
Всего	1880	600	100	100	100	100

Н. Синковым по 200 русским лирическим песням из сборника Соболевского, анафора занимает около 24%, а парегменон и полиптотон — около 19% фигур повторения.⁶ Из особенностей отдельных фигур следует отметить большой процент неполных эпифор по отношению к общему объему этой фигуры, а именно 88 из 159, т. е. 55%; в испанских песенках, отличающихся большим количеством неполных фигур, 40 эпифор из 56 (т. е. 71%) — неполные. Например:

Las penillas que se cantan
son las penillas mas grandes,
porque se dicen cantando
y las lagrimas no salen.

Б. Густота фонетической фигурации. Гораздо более важен и интересен вопрос об общем количестве фигур, т. е. о густоте

стишию, в котором 2 раза встречалось бы слово «перо». При подсчете анафорического расположение получило огромное большинство.

⁶ Cuando quise no qui siste/y ahna que quieres no quiero.

⁶ Бросается в глаза резкое преобладание анафоры в немецкой частушке, но это явление мы сейчас не рассматриваем.

фонетической фигурации. Для выяснения этих соотношений наш сравнительный материал вполне достаточен (табл. 2).

Итак, богатством повторений русская частушка значительно превосходит немецкую и испанскую. Мы предполагаем, что здесь сказывается влияние книжного языка, гораздо более сильное в немецких и особенно в испанских частушках. Это предположение как будто подтверждается следующими фактами.

а) Частушки новой формации — и вместе с тем подлинно деревенские, — записанные в 1926, 1927 и 1928 гг. и помещенные в сборниках Н. Н. Захарова-Мэнского «Прибаутки», «Деревенские ихохошки» и «Частушки современной деревни», находятся (в связи с подъемом грамотности) под большим влиянием книжного языка, чем частушки Е. Н. Елеонской. На 500 частушек (220 из 221 «Прибауток», 180 из 181 «Ихохошек» и 100 из 104 «Частушек современной деревни»), т. е. на 2000 стихов, приходится 295 фигур повторения, или 14.6% к числу стихов.⁷

б) В сборнике И. Лукашина 1926 г. на 126 подсчитанных частушек (504 стиха) приходится 63 фигуры (12.5%); понижение процента фигур по сравнению с частушками Захарова-Мэнского объясняется, как увидим ниже, большим процентом общественно-политических частушек.

в) В «Колхозных частушках» бр. Кузнецовых на 95 частушек (380 стихов) — 21 фигура, т. е. 5.5%.

Словом, частушки новой формации ближе, с одной стороны, к иностранным, с другой — к «сочинительским» (бр. Кузнецовы), т. е. к текстам, находящимся под влиянием книжной словесности.

Т а б л и ц а 2

Частушки	Число частушек	Число стихов	Число фигур	% к числу стихов
Русские частушки (все)	2100	7400	1880	25.9
Русские (4-стишные)	1600	6400	1696	26.5
Немецкие »	645	2580	428	16.5
Испанские »	1000	400	600	15.0

Удельный вес анафор тоже как будто повышается: по крайней мере в вышеуказанных сборниках Н. Н. Захарова-Мэнского 112 анафор (полных и неполных) составляют около 38% фигур. Это приближает новые частушки к немецким.

В. Распределение фигур по строфическим типам. По тем же 2100 частушкам Е. Н. Елеонской было подсчитано распределение фигур по основным строфическим типам частушки. Так как удель-

⁷ Интересно, что здесь проверка на отдельных партиях этой суммы (т. е. 500 частушек) дала приблизительно те же цифры: «Прибаутки» — 13.9%, «Ихохошки» — 15.8%, «Частушки современной деревни» — 14.5%.

ный вес мелких фигур во всех видах сохраняется приблизительно тот же, то для экономии места и для наглядности приводим только особые различия (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Фигура	Число фигур повторения			% к числу фигур		
	АВСВ (1050)	ААВВ (550)	АА (500)	АВСВ	ААВВ	АА
Анафора	294	182	36	33.0	22.8	19.6
Эпанафора	31	57	11	3.5	7.2	6.0
Эпифора	99	48	12	11.1	6.0	6.5
Анадиплосис	55	42	3	6.2	5.3	1.6
Парегменон и т. п.	156	249	60	17.5	31.2	32.6
Остальные фигуры	255	218	62	28.7	27.5	33.7
Всего	890	796	184	100	100	100

Ряд сходств связывает типы ААВВ и АА, что, конечно, обусловливается сходством структуры половинки ААВВ с АА. Исключение составляет анадиплосис; это объясняется, по-видимому, тем, что и в типе ААВВ эта фигура, согласно другому подсчету (см. ниже), видится исключительно между 2-м и 3-м стихами (т. е. между половинками) и почти никогда внутри половинок АА и ВВ. Обычный тип:

Я на вышке платье вишу,
За рекой тальянку слышу,
Слышу, чую, чья поет;
Пуцай поближе подойдет.
(Ел. 184)

Из 40 случаев таких встретилось 39. Соответственно этому анадиплосис редко встречается и в типе АА.

На этом же явлении основана и та огромная разница, которая существует между ААВВ и АА в отношении общего количества фигур (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Фигура повторения	Число частушек	Число стихов	Число фигур	% к числу стихов
АВСВ	1050	4200	890	21
ААВВ	550	2200	796	36
АА	500	1000	184	18 [*]

Объяснение этого факта, сближающего довольно неожиданно типы АВСВ и АА, мы найдем в следующем абзаце.

* Эта цифра проверена наудачу на первых 100 частушках сборника Симакова; получилось около 20%.

а) Фигура внутри стиха (анафора):

б) Фигуры, связывающие четвертушки (или половины типа АА), эпанафора:

3—4: Дорогой, у нас с тобой
На редкое свиданьице:
Не на любовь дело идет,
Идет на расставаньице.

2—4: Если б знала его совесть,
Не любила бы его.
Среди реки Онеги
Потопила бы его.

2—3—4: Напишу записочку
Да на завод мальчишечку,
Да накатаю целый лист
Да про свою несчастну
жизнь.

152

1—2—3—4: Сама цветики сажала,
 Сама буду поливать,
 Сама милого любила,
 Сама буду забывать.

Эти виды распределяются по строфическим типам следующим образом (табл. 5).

О группе А следует заметить, что первый стих гуще фигурирован, чем остальные; объясняется это, вероятно, тем, что он свобод-

Т а б л и ц а 5

		АВСВ	ААВВ	АА
А:	1:	120	111	92
	2:	20	3	14
	3:	27	49	—
	4:	13	3	—
Б:	1—2:	129	57	127
	3—4:	32	42	—
В:	1—3:	208	148	—
	1—4:	20	38	—
	2—3:	47	227	—
	2—4:	138	134	—
Г:	1—2—3:	27	7	—
	1—2—4:	14	3	—
	1—3—4:	2	3	—
	2—3—4:	6	9	—
	1—2—3—4:	9	2	—
Всего:		812	831	233

нее, в то время как другие нужно логически и фонически (путем рифмы) увязать с первым; это предположение поддерживается цифрами типа ААВВ, где третий стих, начиная рифмованный ряд, свободнее, чем в АВСВ (где певец должен увязать вторую половину с первой путем рифмы): и действительно, процент фигур в 3-м стихе ААВВ выше, чем в АВСВ: 5.9% против 3.3%.

Но гораздо важнее соотношение групп (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

	А		Б		В		Г	
	число	%	число	%	число	%	число	%
АВСВ	180	22.2	161	19.8	413	50.8	58	7.2
ААВВ	166	20.0	99	12.0	542	65.2	24	2.8
АА	106	45.5	127	54.5	—	—	—	—

Из этого соотношения следуют выводы:

Во-первых, там, где половины связаны рифмой (т. е. в ABCB и AAB), они слабее связаны фигурами; там, где они рифмой не связаны (AABB), там фигурационная связь сильнее; AABB — 65% против AA — 54%, ABCB — 51%.

Т а б л и ц а 7

	ABCB	AABB
А (все виды)	39	15
Б: 1—2	84	9
3—4	30	4
В: 1—3	62	7
1—4	10	—
2—3	54	24
2—4	36	4
Г: 1—2—3	23	4
1—2—4	5	—
1—3—4	—	1
2—3—4	6	3
1—2—3—4	8	—
Всего	357	71

Во-вторых, там, где четвертушки связаны рифмой (т. е. в AABB), там они слабее связаны фигурами, и наоборот (ABCB): ABCB — 12% против AABB — 20%.

Это соотношение можно проследить по отдельным видам.

В ABCB 1—3 (связь нерифмованных) обнимает 25%, а 2—4 (связь рифмованных) при том же расстоянии всего 17%.

В AABB сильнее всего непосредственная связь между половинками, а именно 2—3, обнимающая 27% против 5.8% в ABCB. В AABB между 1—3 и 2—4 нет той резкой разницы,

которую мы наблюдали в ABCB: здесь оба вида — нерифмованные комбинации.

Это положение блестяще подтверждается сравнением с немецкими частушками, среди которых имеются оба 4-стишных типа, ABCB и AABB (причем первый тоже чаще встречается, чем второй). В сборнике Гундлаха оказалось 540 частушек ABCB и 105 — AABB (табл. 7, 8).

Результат в основном тот же: в ABCB теснее, чем в AABB, связаны четвертушки, а в AABB — половинки, т. е. опять-таки отсутствие рифмы компенсируется стилистической связью.

По отдельным видам соотношения еще более характерны. В ABCB на 1—3 (нерифмованные) падает 17.4%, а на 2—4 (рифмованные) — всего 10%. Даже 2—3 (в противоположность русским частушкам) здесь больше, чем 2—4, а именно 15%.

Испанские песенки все идут по типу ABCB; соответственно этому в них тоже 1—3 составляют 16%, 2—3 — 14.7%, а 2—4 — всего 8.3%.¹⁰

Интересно, что среди смешанных видов связи в типе ABCB преобладает 1—2—3, т. е. та комбинация, в которой рифмообразу-

¹⁰ Распределение фигур по стихам в испанских частушках (всего 1000): А: 103; Б: 1—2 — 91, 3—4 — 88; В: 1—3 — 95, 1—4 — 34, 2—3 — 81, 2—4 — 50; Г: 1—2—3 — 21, 1—2—4 — 8, 1—3—4 — 3, 2—3—4 — 13, 1—2—3—4 — 13; всего 600.

Таблица 8

	А		Б		В		Г	
	число	%	число	%	число	%	число	%
АВСВ	39	11.0	114	32.0	162	45.0	42	12.0
ААВВ	15	21.0	13	18.0	35	50.0	8	11.0

ющее сочетание 2—4 не участвует. Это действительно для русских, немецких и испанских песенок:

Прощай, кудри золотые,
Прощай, седок мой дорогой,
Прощай, под полечку подстригся,
Не сиживать с тобой.

(Ел. 700)

Geh mer nit über mei' Äckerle,
Geh mer nit über mein' Ran.
Geh mer nit naf zu mein' Kötterle,
Sunst brech i' dir Orm und Ban.

(Gundlach, 586)

Por ti trag nolho y madrugo,
y por ti me acuedo tarde,
y por ti me dejaria
el corazon en la calle.

(Corjien. . . 106)

Поэтому 1—2—3 мы причисляем к нерифмованным комбинациям типа АВСВ (табл. 9).

Таблица 9

	АВСВ, %			ААВВ, %	
	рус.	нем.	исп.	рус.	нем.
Связь рифмованных стихов	17	10	8	12	18
Связь нерифмованных стихов	57	74	68	65	50
Смешанные и нейтральные комбинации	26	16	24	23	32

В типе ААВВ немецких частушек, так же как и в русских, заметно сильное (по сравнению с АВСВ) развитие вида 2—3: 34% против 15% в АВСВ.

Установленная нами обратная корреляция между рифмовой и фигурной связью до того устойчива и явственна, что сказывается даже на такой незначительной партии, как 105 немецких частушек ААВВ.

Так как фонетические фигуры имеют две стороны, смысловую и звуковую, то ставится вопрос, как истолковать выяснившееся компенсационное соотношение: компенсируется ли отсутствие звуковой связи наличием связи смысловой? Ответ на

этот вопрос выяснится по рассмотрении других категорий связи между стихами частушки.

Остается поставить вопрос об отношении к фигурационной связи частушек АА по сравнению с половинками ААВВ (обозначим их при помощи АА- и ВВ). Выделим для этого из предыдущей таблицы 9 фигуры, встречающиеся внутри половинок АА и ВВ, т. е. показатели видов (а) и (б) для типа ААВВ (табл. 10).

Т а б л и ц а 10

	Всего	А		В	
		число	%	число	%
АА ¹¹	233	106	45	127	55
АА-	171	114	67	57	33
ВВ	94	52	55	42	45

Мы видим, что рифмующие четвертушки ААВВ хуже связаны, чем половинки АА.

Сравнению главным образом подлежат АА и АА-, так как первые нередко фигурируют в качестве 1-й половины ААВВ (т. е. АА-):

Болят сердце не от боли,
От проклятой от любви.

(Симаков, 26)

Болят сердце не от боли,
От проклятой от любви.
В дурака влюбилася,
С лица переменялася.

(Ел. 110)

Болят сердце не от боли,
От проклятой от любви.
Заболит головушка
По тебе, вазнобушка.

(Ел. 111)

Из цифр, однако, явствует, что эти половинки по стилю не однородны с целыми частушками АА, что большей частью они уже заранее рассчитаны на связь со второй половиной (ВВ), а это, вероятно, и ослабляет связь между четвертушками. Но для окончательного утверждения опять-таки нужно принять во внимание другие признаки, к описанию которых мы и переходим.

2. Синтаксическая связь

А. Типы синтаксической связи. Приводимые ниже категории синтаксической связи между половинами и четвертями частушек добыты индуктивным путем из обзора большого количества частушек, причем сначала связи были разбиты на множество видов,

¹¹ Эти цифры проверены на 250 частушках сборника Симакова; получилось: связь (а) — 21, (б) — 25, всего — 46, т. е. (а)=45.6%, (б)=54.4%.

а затем удалось упростить их и свести к 5 основным категориям, которые мы обозначаем условно литерами: А.Б; А : Б; А, Б; АБ; (АБ).

І. А.Б. Половины или четверти частушек составляют независимые друг от друга предложения, логически и синтаксически не связанные.

В лес по ягоды ходила,
На крутой горе брала. (А)
Дружка отдали в солдаты,
И осталась я одна. (Б)

(Ел. 2483)

Ростовско озеро в тумане,
Пчелка вьется над водой. (А)
По глазам милашки вижу,
Что смеется надо мной. (Б)

(Ел. 2492)

Ветер дует, лес качая. (А)
На меня мила сердчая. (Б)
(Ел. 4403)

Есть, конечно, внутри этой категории разные оттенки. Одно и то же слово или образ попадает в обеих половинках:

Наливай-ка, мама, чаю,
Полстакана молока. (А)
Не просватывай, мамаша,
За такого дурака. (Б)

(Ел. 42)

От этого, конечно, связь не увеличивается.

Особую разновидность представляют синтаксически разобщенные, но параллелистически построенные половинки:

Катись, яблочко, под баню. (А)
Отдай, матушка, за Ваню. (Б)

(Симаков 206)

Я у Коли в коридоре
Сосчитала лесенки. (А)
Я под Колину гармошку
Подводила песенки. (Б)

(Иххошки 28)

Сперва эта разновидность была выделена в отдельную категорию (А—Б). Вопрос остается спорным: в самом деле, различие между синтаксическим сходством и синтаксической связью чрезвычайно тонко. Ясно одно: ко второй категории (А : Б, см. ниже) этот тип не принадлежит, так как обе половины остаются совершенно самостоятельными предложениями. Можно было, значит, либо отнести их к А.Б, либо выделить в особую категорию. Но когда выяснилось, что та или иная трактовка этих частушек отразится на основных результатах исследования самым незначительным образом при рассмотрении половинок и вовсе не играет никакой роли для четвертушек, — то для простоты эти номера в схемах отнесли к А.Б. Там, где они почему-либо интересны, это будет отмечено особо.

ІІ. А : Б. Каждая половина (или четвертушка) составляет целое предложение; они не соединены союзом, но одно зависит от другого. Синтаксическая связь в этой категории очень разнообразна, так что А : Б распадается на много подвидов. Все возмож-

ные здесь многочисленные случаи можно разбить на четыре группы.

В первой связь устанавливается при помощи местоимения или местоименного наречия:

У милого, у бахвала
Дом высокий, нет подвала. (А)
Наплевать, что он велик:
Надо на троё делить. (Б)

Хороша я, хороша,
Да плохо одета. (А)
Никто замуж не берет
Собственно за это. (Б)

Во второй группе одно предложение является эллиптическим, и в нем подразумевается слово, содержащееся в другом предложении:

Мой муж, лиходей,
Уехал на речку. (А)
Дай бог, чтоб сдох;
Я поставлю свечку. (Б).

(Подразумевается:
«муж»).

Моя милая красива,
Только носик короток: (А)
Девять курочек усядутся,
Десятый петушок. (Б)

(Подлежащее А подразумевается
как адverbial для Б: «на носу»).

Дам платочек батистовый, (А)
Утирайся, насвистывай. (Б)

(Прямое дополнение А
служит косвенным дополнением
для Б: «платочком»).

Особую разновидность этой же группы представляют сравнения, члены которых разделены между половинками частушки, так что 2-й член постулирует существование 1-го.

Liebs Schötzerl, moch' auf,
Do herrausten is 's kolt; (А)
Ba dir in da Komma
Waoro's hoamlöga holt. (Б)

В третьей группе второе предложение поясняет первое, так что они могли бы быть по смыслу соединены союзами («ибо», «а именно», «но» и т. п.):

Девушки, красуйтесь,
В бабью жизнь не суйтесь: (А)

[потому что] Бабья жизнь — не красота,
Только сердцу сухота. (Б)

Проводила, жалко стало: (А)

[так что я] Стою плачу у вокзала. (Б)

Не влюбляйся, я влюблена: (А)

[и тем самым] Я навеки загублена. (Б)

В четвертую группу входят переходы на прямую речь (или смены говорящего). Здесь половинки (или четвертушки) связаны как обращение и ответ или как вводное предложение с прямой речью и т. п.:

— «Ой, маменька, люблю Колю!» (А)	— «Милый мой, твои родители
— «Люби, дочка, дай волю!» (Б)	Желают ли меня?» (А)
— «Почему девки курносы?» (А)	— «Что тебе мои родители,
— «Они курят папиросы». (Б)	Желал бы только я». (Б)
-
Мне родители твердят:	Говорила я подружке,
— «Молись богу, верхогляд». (А)	Говорила Аннушке: (А)
Я родителям в ответ:	«Потрудитесь передать
— «Бога не было и нет». (Б)	Мое колечко Ванюшке». (Б)

Незачем говорить, что связь категории II в подавляющем числе случаев регрессивна, т. е. второе предложение зависит от первого.

III. А, Б. Половины или четвертушки составляют два предложения, соединенные союзом или относительным местоимением:

Я сошью турнюр по моде, (А)	Усе садики завяли, (А)
Что не спрячешь и в комоде. (Б)	Де мы с миленьким гуляли. (Б)

Черны брови очень редки, (А)
Как черемушки на ветке. (Б)

Если, милый, не доволен,
Моим выпитым платком, (А)
Изорви его на ленточки,
Повесь перед окном. (Б)

В дальнейшем мы увидим, что выделение этих случаев в особую категорию оказывается чрезвычайно плодотворным для поставленной нами проблемы.

IV. АБ. Половинки составляют одно предложение, но, если их разделить, то одна из них будет содержать осмысленное суждение. Сюда входит перенесение во 2-ю половину дополнительных сказуемых или подлежащих слитных предложений, размещение глагола и адвербиала в разных половинках (или четвертушках) и т. п.

Девушки, дивья-дивья!	Милый, черненький глазок,
Как миленький не пьет	Наказал бы тебя бог (А)
вина, (А)	
Табачку не куривал	За твою неверну клятву,
И пьяненький не гуливал. (Б)	За мою крепку любовь. (Б)

Мил уехал в городочек (А)
На весь кругленький годочек. (Б)

Сюда же относятся случаи, когда первая половинка представляет обращение:

Милашка моя,	Ах, ты милый друг, ты Саша,
Работячка моя,	Иссушила любовь ваша.
С летичка умоешься,	
Мне-ка не понравиться.	

V. (АБ). Обе половинки так тесно связаны, что при разобщении ни одна не дает полного суждения: отделено подлежащее от единственного сказуемого или прямое дополнение от глагола:

Твои очи, мои брови
Довели нас до любви.

Солдаточку бедную
Приголубить некому.

Примеры на синтаксическую связь четвертушек:

А : Б, Ох вы, девки, я вам дядя,
Вы племянницы мои. . .

Говорила сыну мать:
Не водись с ворами. . .

А, Б. По дорожке иду,
А дорожка вьется. . .

Б. Условный коэффициент связи. Ясно, что в отношении тесноты синтаксической связи I и V категории представляют два полюса:

I: Течет речка и бьет пеной. (А) V: Головистая гармонья (А)
Пришел миленький с изменой. (Б) Унесла мое здоровье. (Б)

Сравнивая I со II и V с IV, убеждаемся, что части во II несколько более тесно связаны, чем в I, а части в IV несколько более разобщены, чем в V (хотя бы одна может существовать без другой). Сравним теперь II и IV:

II: Ах, маменька, пришел Коля: (А) IV: Гармониста возвышают (А)
Положи баранок боле. (Б) И пройтись приглашают (Б).
II: Не ругайся, мать родная; (А) IV: Ты сыграй, а я спою (А)
Чай, сама была такая. (Б) Про симпатию мою. (Б) :

Во II категории вторая часть может быть высказана как отдельное суждение, хотя первая значительно дополняет ее смысл. В IV одна из частей не составляет суждения.

Наконец, в III категории части связаны столь же тесно, как и во II, но все же труднее делимы, так как одна неминуемо повисает в воздухе из-за своего ни к чему не привязанного союза (или относительного местоимения), начинающего стих.

III: Все по паре, по троечке, (А) Мужа бреют, жена рада, (А)
А мы с тобой в расстрочке, (Б) Что порток-рубаш не надо. (Б)

Поэтому мы по тесноте связи можем поставить III категорию выше II. Итак, предположим условно, что каждая категория превышает по сравнению с предыдущей интенсивность связи на 1 градус и что связь в I категории равна нулю. Получим условный ряд: $A.B=0$; $A : B=1$; $A, B=2$; $AB=3$; $(AB)=4$.

Это не более условно, чем градусы термометра, которые показывают реально размеры увеличения объема ртути и лишь символизируют интенсивность недоступного глазу молекулярного движения.

В. Распределение синтаксической связи по строфическим видам

а) Теснота связи (табл. 11)

Т а б л и ц а 11

Категория	Связь	Связь между половинками			Связь между четвертями	
		АВСВ	ААВВ	АА	АВ- и ВС	АА- и ВВ
I	А.Б	344	58	113	8	66
II	А : Б	335	596	358	331	294
III	А, Б	54	65	79	162	123
IV	АБ	255	274	349	364	425
V	(АБ)	12	7	101	135	92
Всего случаев		1000	1000	1000	1000	1000

Произведем прежде всего сравнение половинок. Ясно, что категории связи весьма разно распределяются по строфическим видам. Для того чтобы изобразить эту разницу, воспользуемся принятыми выше условными коэффициентами связи. Помножим каждый показатель на соответствующий коэффициент (табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Категория	АВСВ		ААВВ		АА	
I	$344 \times 0 = 0$		$58 \times 0 = 0$		$113 \times 0 = 0$	
II	$335 \times 1 = 335$		$596 \times 1 = 596$		$358 \times 1 = 358$	
III	$54 \times 2 = 108$		$65 \times 2 = 130$		$79 \times 2 = 158$	
IV	$255 \times 3 = 765$		$274 \times 3 = 822$		$349 \times 3 = 1047$	
V	$12 \times 4 = 48$		$7 \times 4 = 28$		$101 \times 4 = 404$	
Всего	1000	1256	1000	1576	1000	1967
Средний коэфф.	1.25		1.57		1.96	

Отличие АА в синтаксическом отношении вполне понятно: фразу труднее уложить в 2 стиха, чем в 4. Поэтому обратимся к сравнению АВСВ с ААВВ. Оказывается, что не связанные рифмой половинки ААВВ гораздо теснее связаны синтаксически (1.57), чем рифмующиеся половины АВСВ (1.25)!

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В ABCB связь ослаблена благодаря большому количеству случаев категории А. Б. Среди 344 частушек 134 построены п а р а л л е л и с т и ч е с к и. Та же категория связи представлена в AABV 58 случаями; из них 30 параллелизмов. В целях проверки результатов мы установили особую категорию А—Б для параллелизмов и переменили коэффициенты: $A \cdot B = 0$, $A - B = 1$, $A : B = 2$, $A, B = 3$, $AB = 4$, $(AB) = 5$. Произведя вычисления так же, как и первой классификации, получили средние коэффициенты: ABCB — 2.05; AABV — 2.54; AA — 3.02. Т. е. отношение осталось в основном то же; поэтому, принимая во внимание условность этих цифр, мы предпочли более простую схему.

Теперь перейдем к сравнению четвертушек по тому же способу. Не повторяя умножений, выпишем прямо произведения показателей (см. табл.) на коэффициенты и сумму произведений.

	A.B	A : B	A, B	AB	(AB)	
AB, CB	0	+ 331	+ 324	+ 1092	+ 540	=2287; средний коэффициент 2.29
AA, AA	0	+ 294	+ 246	+ 1275	+ 368	=2183; средний коэффициент 2.18

Здесь, в противоположность половинкам, тип ABCB являет более тесную связь, чем тип AABV; но ведь и соотношение рифм здесь обратное: не связанные рифмою четвертушки AB и CB син-, тактически связаны теснее, чем рифмующие четвертушки AA и BV.

Итак, мы здесь обнаруживаем то же соотношение рифмы и смысла, что и в области фигур повторения.

Для того чтобы проверить полученный результат, прибегаем снова к сравнению с немецкими частушками (табл. 13).

Введем средние коэффициенты:

	A.B	A : B	A, B	AB	(AB)		Средний коэффициент
Половины:							
ABCB	0	+ 227	+ 420	+ 105	+ 44	= 796 (:520)	1.53
AABV	0	+ 46	+ 366	+ 69	+ 12	= 493 (:105)	1.84
Четверти:							
AB, CB	0	+ 184	+ 750	+ 906	+ 816	=2656 (:1080)	2.45
AA, BV	0	+ 50	+ 182	+ 153	+ 60	= 445 (:210)	2.11

Опять (несмотря на маленькую партию частушек AABV) получаем то же соотношение: рифмованные части при прочих равных условиях менее тесно связаны, чем нерифмованные.

Итак, перед нами «к о м п е н с а ц и о н н ы й з а к о н», нечто вроде *balancement organique* Жоффруа Сент-Илера. Конечно, этот «закон» так же мало претендует на всеобщность, как и *balancement organique*. Как и всякий биологический закон, он есть лишь т и п и ч е с к и й с л у ч а й, который наступает часто, но не

Категория	Связь	Связь между половинами		Связь между четвертями	
		АВСВ	ААВВ	АВ- и СВ	АА- и ВВ
I	А.Б	37	—	15	3
II	А : Б	227	46	184	50
III	А, Б	210	33	375	91
IV	АВ	35	23	302	5
V	(АБ)	11	3	204	15
Всего случаев		520	105	1080	164

всегда.¹² Во всяком случае для частушечного материала закономерность взаимоотношения строфики с синтаксисом и фонетическими фигурами не подлежит сомнению.

б) Тип АА и половинки типа ААВВ. Коэффициент связи для АА (1.96) значительно разнится от коэффициента для половинок АА- (2.24) и ВВ (2.1); особенно важно сильное отличие от АА-, хотя эта половинка иногда, как уже сказано, может существовать отдельно в виде целой частушки АА. Вывод из этого несходства может быть только тот, что в большинстве случаев АА в составе 4-стишной частушки имеет другую структуру, чем в свободном виде, что, стало быть, соединение ААВВ не механическое, а органическое, т. е. изменяющее внутренние свойства соединенных элементов — их фигурацию (см. выше) и синтаксический строй, а может быть, и другие признаки. Это есть именно ААВВ, а не АА+ВВ.

в) Соединение при помощи союза или относительного местоимения. В довоенных русских частушках, взятых из сборника Е. Н. Елеонской, категория А, Б представлена крайне слабо. Между половинками четверостишных частушек АВСВ и ААВВ она встречается 119 раз на 2000 номеров, что составляет около 6 %, в то время как в немецком материале эта категория обнимает 243 случая из 645, т. е. около 38 %, а в испанском — около 48 %. Конечно, такие соединения более свойственны книжному языку. Неграмотный человек чаще скажет: «Надену шубу: холодно», чем: «Надену шубу, потому что холодно». Чрезвычайно любопытно, что при подсчете А. Г. Руднева, произведенном им с совершенно другой целью (см. ниже) над частушками, собранными в Московской губернии после революции, оказалось 26 % соединений А, Б.

¹² Во время других наших работ мы имели возможность обнаружить и другие случаи действия компенсационного закона. Особенно характерно в этом смысле взаимное восполнение рифмы и ритма в рифмованной прозе X и XI вв.

Проверить эту цифру на другом столь же надежном и обильном материале мне не удалось. Но в сборнике И. Лукашина, в котором я (опять-таки с другой целью) рассмотрел 126 четверостишных частушек, оказалось 16 А, Б, что составляет 12.6 % — значит, все же вдвое больше, чем в довоенных частушках, хотя гораздо меньше, чем в Московской губернии. Возможно, что в районах, где собирал И. Лукашин (Тамбовская, Тульская, Нижегородская, Орловская и Новгородская губ.), влияние книги сказалось не столь сильно, как в окрестностях Москвы (Люблино). Как бы то ни было, эти цифры если не разрешают, то хотя бы ставят интересную проблему о развитии стиля послереволюционной деревенской поэзии под влиянием распространения грамотности.

г) Синтаксический параллелизм. Некоторые указания в этом же вопросе дает хотя и весьма неполный обзор параллелизмов. Неполным он является потому, что обследовано было только параллелистическое строение половинок, и то на небольшом материале. Очень характерны результаты обследования параллелизма при связях I категории (А.Б) в 4-стишных частушках. При почти одинаковом проценте этих частушек в сборниках Е. Н. Елеонской и А. Г. Руднева (около 40 %: Елеонская — 40.2, Руднев — 41.6) в первом сборнике параллелизмов оказалось 8.2 %, а во втором 4.1 %. Обследование параллелизма при других видах нам провести не удалось, но получены некоторые данные. Из взятых наугад 300 частушек сборника Елеонской в 40 половинок были связаны параллелизмом, что составляет 13.3 %. Из первых 100 «Частушек современной деревни» связаны параллелизмом 7 половинок, т. е. 7 %. В «Комсомольских частушках» И. Лукашина — 7 на 126, т. е. 5.5 %. Мы, однако, не собираемся делать из этих цифр никаких скороспелых выводов ввиду незначительности материала и неполноты обследования. Мы ограничиваемся только указанием на возможный путь эволюции частушки. Это явление получит лучшее освещение при обследовании тематического полиморфизма, к которому мы и переходим.

III. ТЕМА И СТИЛЬ

1. Синтаксическая связь

Мы искусственно свели тематический полиморфизм к диморфизму и рассматривали только разницу между частушкой любовной и общественно-политической (в чистом виде), чтобы получить основные вехи, которыми можно было бы руководствоваться при дальнейших исследованиях.

В основу положена ценная работа, произведенная А. Г. Рудневым по предложенной мною схеме синтаксических связей над половинками 4-стишных частушек, собранных им в Люблинском районе Московской губернии. Все частушки бытуют в одном месте, и, таким образом, все привходящие местные различия устранены.

Таблица 14

Частушки	А.Б	А:Б	А,Б	АБ	(АБ)	Средний коэффициент
Общественно-политические	5.2	28.2	29.2	37.0	—	1.97
Любовные	36.4	30.6	23	10	—	1.06

Взято по 500 частушек каждого вида (количество достаточное). Результаты (в %) представлены в табл. 14.

Оба ряда находятся в отношении очень высокой, обратной корреляции. Коэффициент корреляции — 0.91.

Вывод не оставляет сомнений: общественные частушки построены логичнее, рассудочнее, чем более эмоциональные любовные частушки.

Не имея под рукой столь же обширного материала, как собрание А. Г. Руднева, я не мог произвести повторного исследования, которое окончательно подтвердило бы полученные нами из рудневского материала результаты. Однако возможно было произвести проверку на добавочных «малых партиях», что иногда является весьма полезным.

а) Сначала были взяты 125 частушек сборника Лукашина и из них выделены чисто общественно-политические (табл. 15)

Таблица 15

Частушки	А.Б	А:Б	А,Б	АБ	Всего	Средний коэффициент
Общественно-политические	6	32	10	9	57	1.37
Остальные	17	40	6	5	68	0.98

б) Из сборника Захарова-Мэнского «Частушки современной деревни» (1930) были выделены чисто общественно-политические (34 номера) и любовно-брачные (30) (табл. 16).

Соотношения сходятся между собою и блестяще подтверждают подсчет А. Г. Руднева, хотя и сборники составлялись совершенно

Таблица 16

Частушки	А.Б	А:Б	А,Б	АБ	(АБ)	Всего	Средний коэффициент
Общественно-политические	4	16	1	12	1	34	1.35
Любовно-брачные	15	9	—	6	—	30	0.90

безотносительно к нашей схеме, и мы взяли схему, составленную по частушкам Елеонской, т. е. на 90 % любовному материалу. Малые партии сами по себе мало показательны, но если они дополняют большие, то их показания укрепляют впечатление закономерности.

Мелкие признаки

Из того же обследования А. Г. Руднева можно извлечь еще несколько мелких, но небезынтесных показаний касательно различий в стиле политических и любовных частушек. Первоначально обследование было произведено по более дифференциальной схеме, и результаты были замечены особо.

а) Книжный тип связи при помощи союзов (А, Б) дает для общественно-политических частушек 29 %, для любовных 23 %. В малых партиях получается: у Лукашина — 15 % и 7 %, у Захарова-Мэнского — 35 % и 20 %. Общественно-политическая частушка, естественно, находится под более интенсивным влиянием книги, чем остальные виды.

б) Параллелизм при связи 1 категории (А—Б) дал на материале Руднева 1.4 % для общественно-политических и 6.8 % для любовных частушек. Мы знаем, что частушки Е. Н. Елеонской дают (почти исключительно любовные) 8.2 % этого явления, и что вообще форма параллелизма, по-видимому, идет на убыль по мере усиления «книжности» (вернее, «газетности») частушек. Итак, общественно-политические частушки в этом отношении прогрессивнее любовных.

в) Диалогическая форма частушек и переход на прямую речь составляет в общественно-политических — 0.6 %, в любовных — 5.2 %, в сборнике Елеонской (4-стишных) — 4.2 %.

г) Случаи, когда первая половина частушки представляет собой обращение¹³, обнимают 0.4 % среди общественно-политических и 4.2 % среди любовных. У Елеонской (в 4-стишных) — 3.3 %. В «псевдочастушках» бр. Кузнецовых таких случаев совсем нет: очевидно, необходимо для развития идеи использовать все 4 стиха, и нельзя тратить 2 из них на одно только обращение.

д) В сборнике И. Лукашина 57 общественно-политических частушек содержат 27 фигур повторения, т. е. 11.8 % стихов, а остальные 68 частушек — 36 фигур, т. е. 13 % стихов. У Елеонской — 25.9 %. Материал здесь, конечно, ничтожный, но в связи с общей картиной традиционности любовной частушки и прогрессивности общественно-политической эти цифры приобретают некоторую весомость.

Все перечисленные признаки, вместе взятые, создают сильное различие между формой любовной и общественно-политической частушки.

¹³ Например: Эх, ты, теща моя, Голубятница, (А)
Наварила голубей: Завтра пятница! (Б)

IV. ВЫВОДЫ

1. Частушка представляет маленькое, но органическое тельце, т. е. части ее закономерно между собою связаны.
2. Связь выражается в том, что при изменении форм одного ряда (звуковых или тематических) меняются в определенном направлении и формы другого ряда (стилистические).
3. В строфической структуре частушек действует так называемый «компенсационный закон», гласящий: при уменьшении рифмовой связи увеличивается связь фигурационная (фонетические фигуры) и синтаксическая. Это действительно и для немецких частушек.
4. Частушки типа связи ABCB распадаются на две половины, между коими пролегает более отчетливая синтаксическая граница (коэффициент связи — 1.25), чем между четвертушками (коэффициент связи — 2.25).
5. Частушка типа связи AABV тоже распадается на две половины; но здесь разделение поддержано рифмой, а посему (согласно сформулированному выше «компенсационному закону») разница в синтаксической границе несколько ослаблена: между половинками — 1.57, между четвертушками — 2.18.
6. Частушка типа связи AABV представляет собой не механическое, а органическое соединение частей AA, BV, ибо такие части, существуя в отдельности (в виде 2-стишных частушек), являют весьма отличную фигурацию и синтаксическую структуру.
7. По мере усиления влияния «литературного языка» на частушку в ней обнаруживаются следующие изменения (при сравнении частушек из сборника Елеонской с послереволюционными записями):
 - а) уменьшается количество фигур повторения; б) усиливается связь между предложениями при помощи связывающих частей речи (союзов и относительных местоимений); в) отмирает синтаксический параллелизм.
8. Любовные частушки по сравнению с общественно-политическими являют следующие отличия:
 - а) синтаксическая связь в любовных частушках значительно слабее; б) параллелизм при слабой смысловой связи гораздо развитее; в) синтаксическая связь при помощи союзов в любовных частушках встречается реже; г) любовные чаще пользуются риторическим диалогом и обращением; д) фонетическая фигурация в общественно-политических, по-видимому, тоже ослаблена.
9. Итак, можно сказать, что любовные частушки обладают более эмоциональной, поэтической формой, а общественно-политические — более рассудочной, прозаической формой.
10. Во всех перечисленных отношениях послереволюционные любовные частушки стоят ближе к довоенному типу из сборника Елеонской (см. выше, п. 7), чем послереволюционные общественно-политические. Итак, можно сказать, что любовная частушка по своей природе традиционнее, а общественно-политическая — прогрессивнее.